

УДК 81-119

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18

М. К. Тимофеева

*Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
пр. Академика Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

timoff@msth.nsc.ru

О ГРАНИЦАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАГМАТИКИ

Современная прагматика очень разобщена, она объединяет под одним названием разные, зачастую конфликтующие, направления; такая ситуация затрудняет ее развитие в целом как единого раздела лингвистики. Причина этого видится в том, что данная исследовательская область была охарактеризована основателями семиотики (прежде всего Ч. Пирсом и Ч. Моррисом) слишком абстрактно, ее реальное использование для анализа языкового материала невозможно без конкретизации. Предлагается рассматривать современную прагматику как единую область, разные направления которой возникли как результат выстраивания разных стратегий конкретизации изначально недоопределенной сферы. Каждый шаг на этом пути равносителен осознанию определенной неясности, формулированию соответствующего вопроса и нахождению варианта решения этого вопроса. Поскольку прагматические явления сложны, процесс конкретизации видится ступенчатым: первоочередными представляются вопросы о границах, далее следует конкретизация специфических понятий и теорий. В статье формулируются ключевые вопросы, нацеленные на уточнение границ прагматики. Обсуждение границ неотделимо от обсуждения содержания, так как границы неизбежно проводятся по тем или иным содержательным признакам. Поэтому вопрос о содержании прагматики также затрагивается, но лишь настолько, насколько это существенно для обсуждения ее границ. Более детализированное рассмотрение содержания прагматики и связей между разными ее направлениями, безусловно, также необходимо, но по своему объему превышает допустимые рамки одной публикации.

Ключевые слова: прагматика, границы прагматики, направления прагматики, школы прагматики, обучение прагматике.

Успешность коммуникации зависит от того, насколько собеседники понимают друг друга. Но что такое понимание, и как нужно выстраивать свою речь, чтобы его достичь? В распоряжении человека нет канала передачи информации, способного довести до адресата в точности то содержание, которое связывает с сообщаемым текстом его автор. Вместе с тем автор имеет возможность влиять на качество понимания, выбирая (осознанно или нет) компоненты содержания и языковые средства их выражения с учетом целей и обстоятельств коммуникации, в частности с учетом представления о своих собеседниках и о том, что им необходимо сообщить явным образом, а о чём они смогут догадаться сами. Спектр возможностей и стратегий выбора языковых средств, в той или иной степени, можно изучать во всех разделах лингвистики, но для прагматики это составляет основной предмет исследования.

Тимофеева М. К. О границах и содержании прагматики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 5–18.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3

© М. К. Тимофеева, 2018

Термин «прагматика», происходящий от греческого *pragma* (πράγμα) – «дело», «действие», был введен Чарльзом Моррисом в первой половине XX в. [Morris, 1953]. Выбор этого термина связывал прагматику с прагматизмом – доминирующим направлением американской философии того времени, ассоциируемым с практическим, утилитарным, подходом к делу.

Цель данной статьи также, по сути, утилитарна: построить своего рода «карту» прагматики, отметив ключевые пункты, на которых принимаются решения о границах исследования и его содержании.

Появление таких решений в процессе развития прагматики было неизбежно, поскольку определение, данное Ч. Моррисом, является слишком общим и при практическом применении нуждается в конкретизации. Прежде всего необходимо рассмотреть, как конкретизировали границы исследований. Это позволит в дальнейшем перейти к анализу путей уточнения понятий и теорий прагматики. Систематизация прагматики представляется полезной для ее конструктивного развития, которое затруднено разнообразием сосуществующих подходов, дискуссиями и разногласиями.

Фокус внимания в статье сосредоточен на логическом анализе исследовательской ситуации, а не на соположении цитируемых формулировок. Оценка Дж. Вершуерена обсуждений в стиле «кто-что-когда-сказал» («who-said-what-when») как малопродуктивных и отвлекающих от основной цели [Verschueren, 1998. Р. 254] представляется справедливой.

Анализ ситуации базируется прежде всего на обобщающих монографиях по прагматике, подытоживающих ее современное состояние. Количество англоязычных изданий такого рода довольно велико, среди них наиболее известны книги С. Левинсона, Дж. Лича, Л. Хорна и ряда других авторов (см., например: [Levinson, 1983; Leech, 1983; Yule, 1996; Verschueren, 1998; Lycan, 2000; Mey, 2001; Horn, 2006; Huang, 2007; Chapman, 2011; Birner, 2012]). Аналогичных обобщающих изданий (представляющих прагматику в целом, а не какие-либо отдельные ее разделы или методы) на русском языке немного, это прежде всего сборник «Новое в зарубежной лингвистике» [1985], монография Е. В. Падучевой [2014], учебные издания И. П. Сусова [2009] и Б. Ю. Нормана [2009]. Большинство публикаций отечественных лингвистов посвящено различным отдельным вопросам прагматики или сферам применения прагматических знаний.

Активный интерес лингвистов к области прагматики проявился в начале 1970-х гг., за следующие почти пять десятилетий прагматика превратилась в один из доминирующих разделов лингвистики, приближающийся, по мнению некоторых исследователей, к статусу самостоятельной дисциплины [Jucker, 2012]. Однако единое (или хотя бы близкое к таковому) мнение по поводу границ и задач прагматики отсутствует. Причины такого положения дел можно усмотреть как в истории формирования, так и в предмете прагматики.

История и предыстория прагматики развивались параллельно сразу в нескольких дисциплинах (философии, логике, риторике, психологии, лингвистике, теории информации), различающихся по целям, методам, ценностным установкам. В рамках лингвистики прагматика тесно связана с рядом других направлений (прежде всего с семантикой, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой, антропологической лингвистикой), также различающихся по целям и методам исследований. Возникновение прагматики как области конвергенции такого многообразия подходов неизбежно вело к неопределенности границ, наличию автономно развивающихся и зачастую конфликтующих друг с другом теорий; всё это было присуще прагматике изначально [Булыгина, 1981]. Общеизвестное сравнение данной области с «мусорной корзиной» (wastebasket, И. Бар-Хиллел [Bar-Hillel, 1971]), а также менее известные сравнения с «мешком для обрезков» (rag-bag, Дж. Лич [Leech, 1983. Р. 1]) и «всякой всячиной» (hodge podge, С. Левинсон [Levinson, 1983. Р. 9]), акцентировали внимание на том, что прагматика остро нуждается в наведении порядка, поскольку она образовалась из разнотипных явлений, не вписавшихся в традиции исследования других языковых уровней. За наведение порядка в этой «переполнившейся корзине» [Yule, 1996. Р. 6] взялись многие, в частности Дж. Юл, отметивший, что прагматические явления не относятся к одной категории, так как их отбирали по «негативному» принципу из материала, оказавшегося сложным для существовавших систем формального анализа.

Предмет прагматики тем самым изначально был лишен единства. Помимо этого, содержательная сторона языка вообще сложна для изучения, поскольку обладает большей субъективностью по сравнению, например, с грамматикой. Многие языковеды начала XX в. задумывались над теоретико-методологическими проблемами, обусловленными этим обстоятельством. Столкновения позиций при решении антиномий семантики [Мауро, 2000] привели, в частности, к идее об отказе от изучения сферы языковых значений из-за недостоверности и, следовательно, ненаучности доступных человеку знаний. Представителем крайней позиции был американский лингвист З. Харрис. Антисемантические доводы в еще большей степени применимы к прагматике.

Конечно, такая позиция не могла воспрепятствовать изучению сферы языковых значений, по сути являющейся ведущей стороной языка, ради которой совершается коммуникация. Однако предостережения уместны: прагматические дефиниции и теории – красиво и логично сформулированные – при попытке их использования для решения конкретных прикладных задач сталкиваются с большим количеством нюансов, сложностей и вариативных трактовок. Разрыв между теориями прагматики (метаязыками) и конкретными языковыми данными затрудняет формулировку ясных в своем применении правил.

Ситуация усугубляется тем, что среднее образование не предполагает изучения прагматики как составляющей языкознания, в типовых учебниках по родному и иностранному языкам раздел прагматики отсутствует. Поэтому опыт осознанного выявления и анализа прагматических средств не накапливается с детства, – в отличие, например, от опыта грамматического анализа, – а впервые приобретается во взрослом состоянии, если эта область становится предметом профессионального интереса.

Разрыв между теорией и практикой начинается уже с определения прагматики, данного Чарльзом Моррисом: «прагматика – дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам» [2001. С. 71]. Для реального практического развития названной дисциплины нужно уметь выявлять конкретные признаки отношений указанного типа. Такие признаки можно найти в очень разных сферах: в составе реплики говорящего или в его (явных или неявных) намерениях, в предшествующей речи, в подразумеваемой информации, в общеизвестной информации, в социокультурном контексте и т. д. Многое из этого не входило в традиционные границы языкознания того времени и оказалось ближе к интересам других дисциплин. Каждая дисциплина конкретизировала или трансформировала определение Ч. Морриса в соответствии со своими традициями.

Иной взгляд на тенденцию переосмысления термина «прагматика» в логике, философии, лингвистике представлен в статье А. А. Худякова [2001], который также полагает, что данный термин в изначальной трактовке Ч. Морриса «принципиально неприложим к явлениям языка». Однако причины этого автор усматривает в том, что языковая система не отчуждаема от человека, внутренне присуща ему и не создается искусственно в результате конвенций. Логическая связь этого утверждения с переосмыслением терминов непрозрачна. Кроме того, оно вызывает ряд возражений. Во-первых, любая теория языка (синтаксическая, семантическая, прагматическая) – это теоретический конструкт, гипотеза, не тождественная внутренне присущей человеку языковой способности. Во-вторых, любая знаковая система (в том числе и искусственная, например язык математики) в отрыве от человека превращается в бессмысленные комбинации точек. В-третьих, тезис о конвенциональности знака трактуется как отсутствие между сторонами знака объективно существующей причинно-следственной зависимости; эта связь не предполагает процедуры заключения договоренностей между носителями языка, однако учить значения незнакомых слов и грамматические правила необходимо (особенно при изучении иностранного языка), что и является, по сути, запоминанием конвенций.

Логически более последовательным видится предложенное выше объяснение необходимости конкретизации прагматических понятий, обусловленное непригодностью первоначальных формулировок для практического применения.

Становление прагматики совпало по времени с расширением границ лингвистики. Допустимые векторы этого движения обозначил А. Е. Кибрик: «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [2012.

С. 20]. Прагматика создала одно из оснований и один из инструментов для расширения лингвистики.

Участники этого процесса по-разному видели границы и содержание прагматики. Стремясь приблизить теорию к практике, они неизбежно принимали конкретные решения. Такие решения удобно рассматривать как ответы на определенные, закономерно возникавшие, базовые вопросы. Альтернативные ответы соответствуют разным путям развития прагматики. Сформулируем эти вопросы.

(1) *Входит ли прагматика в состав лингвистики или находится вне лингвистики?*

По мнению С. Чапмана [Chapman, 2011. Р. 10–13], «ядерными» компонентами лингвистики (core linguistics) являются фонология, морфология, синтаксис, семантика. Эти разделы сосредоточены на анализе языка как изолированной системы. Прагматика же не продолжает указанный ряд, а находится вне этого ряда, поскольку предмет ее исследований – не язык как таковой, а его использование и интерпретация в контексте употребления. Кроме того, прагматические знания обширнее собственно лингвистических, в частности включают знания о когнитивных процессах. Исходя из таких соображений, С. Чапман охарактеризовал прагматику как «приложение» (adjunct) к лингвистике. Изучение прагматики, как он полагает, – не дело лингвистики, поскольку далеко от ее ключевых интересов (что в свое время и дало основание назвать ее собранием «всякой всячины», выброшенной из лингвистики). Вместе с тем размещение прагматики вне лингвистики не лишает исследователя возможности использовать сведения из области прагматики для расширения чисто лингвистических знаний.

Таким образом, предложены два основания для отделения прагматики от лингвистики: 1) переход от изучения языка как изолированной системы, свойственного ряду «фонология, морфология, синтаксис», к изучению употребления языка в прагматике, 2) распространение исследований на междисциплинарные области. Эти аргументы нельзя назвать бесспорными, что и обуславливает существование альтернативных решений. Различия между остальными языковыми уровнями также можно считать критическими. Напомним, например, что включение семантики в указанный ряд уровней в свое время вызвало активное противодействие сторонников антисемантического направления, представители которого сочли субъективность семантики тем критическим признаком, который оправдывает ее устранение из указанного ряда. Второй аргумент в пользу отделения прагматики от лингвистики – в условиях растущей тенденции к междисциплинарности, происходящей в науке в целом, – приводит к менее жесткой альтернативе, выраженной в вопросе (2).

Вопрос (1) о возможности выведения прагматики из сферы лингвистики в настоящее время нельзя назвать актуальным, включение хотя бы некоторых разделов прагматики в лингвистику не вызывает категоричных возражений.

(2) *Входит ли прагматика полностью в состав лингвистики или только частично пересекается с ней?*

Прагматика как область лингвистики обсуждается, например, в [Huang, 2007]. Эта точка зрения соответствует максимальному расширению сферы интересов лингвистики по сравнению с ее традиционным вариантом.

Более умеренное расширение лингвистики соответствует разделению прагматики на лингвистическую и нелингвистическую. В таком ключе вопрос о статусе прагматики обсуждается в книге [Булыгина, 1981]. В работе [Булыгина, Шмелев, 1997. С. 253–255] этот вопрос выведен в название раздела: «Граница между прагматикой и лингвистикой». Авторы данных публикаций проводят границу между «лингвистической прагматикой» и «нелингвистической прагматикой». Отличительным признаком лингвистической прагматики в [Булыгина, 1981] названа конвенциональность. Иначе говоря, значения, рассматриваемые в рамках лингвистической прагматики, должны иметь некие регулярные и эксплицитно описываемые средства выражения в языке. Автор, однако, отмечает, что в настоящее время нет теории, которая позволила бы провести четкую грань между конвенциональными и неконвенциональными средствами.

Принципы определения границ и составляющих языковой прагматики сформулировал Ю. Д. Апресян. Он предлагает относить к данной области те способы выражения отношения автора сообщения к действительности, содержанию сообщения, адресату, которые закреплены в языковой единице, т. е. имеют регулярное языковое средство выражения на уровне лексикой или грамматики [1995. С. 135–177].

За пределами так определяемой языковой прагматики остаются те средства, которые не связаны регулярным образом с языковыми формами. Например, коммуникативные импликатуры. Одним из базовых свойств такой импликатуры (называемым неконвенциональностью, *non-conventionality*) является ее связанность с мыслью, а не с языковой формой реализации в речи. Это свойство отличает коммуникативную импликацию от конвенциональной импликации. Коммуникативная импликация связана с вербальной составляющей только опосредованно, через выражаемую в сообщении мысль (пропозицию). На основе этой пропозиции, а также общих правил языкового поведения (отраженных, в частности, в постулатах Г. П. Грайса [Grice, 1975] ¹) и имеющихся знаний (как общего характера, так и касающихся ситуации коммуникации) адресат может логически «вычислить» коммуникативные импликации, связанные с сообщением. Возможность такого вывода составляет еще одно базовое свойство коммуникативных импликаций, называемое «вычислимостью» (*calculability*) ².

Еще одно прагматическое средство, не имеющее регулярных показателей в речи, – прагматические пресуппозиции. К ним относят те не высказанные явным образом пропозиции, которые автор сообщения считает истинными и известными адресату [Падучева, 2014].

В целом, использование термина «лингвистическая прагматика» нельзя назвать регулярным. Далеко не все авторы, употребляющие этот термин, придерживаются указанных выше ограничений. Например, в [Норман, 2009; Сусов, 2009; Valeika, Verikaitė, 2010] под общим заглавием «Лингвистическая прагматика» рассматриваются все традиционные разделы прагматики, включая коммуникативные импликации и прагматические пресуппозиции, т. е. сфера внимания не ограничивается только лексикализованными и грамматикализованными средствами выражения прагматических значений. В [Huang, 2007] термин «лингвистическая прагматика» не используется, при этом прагматика рассматривается как раздел лингвистики.

Вопрос (2) имеет методологический аспект: некоторые научные методы изучения прагматики могут отвергаться как «нелингвистические», что не способствует развитию данной области в целом.

Переход от «традиционно наследуемых и охраняемых границ» к исследованию проблем, который предвидит в будущем лингвистики Вяч. Вс. Иванов [2004. С. 157], возможно, устранит такие, не обусловленные естественным состоянием вещей, препятствия.

(3) *Является ли прагматика отдельным языковым уровнем, следующим за синтаксисом и семантикой, или она распределена по всем языковым уровням?*

Этот вопрос разделяет два принципиально разных взгляда, которые послужили основой для формирования двух направлений, или школ, прагматики: компонентной (*component*) и аспектуальной (*perspective*).

Теоретическое расхождение между данными школами базируется на том же соображении, которым руководствовался С. Чапман при решении вопроса (1). Традиционный ряд языковых уровней – это своего рода разделение труда при изучении языка в изоляции от его употребления, прагматика же состоит в изучении именно употребления языка, задавая тем самым иной взгляд на данный ряд в целом и на каждую из его частей в отдельности. С. Чапман, как и сторонники аспектуальной школы, считает, что это препятствует размещению прагматики в ряду языковых уровней.

Компонентная школа (называемая также англо-американской) трактует прагматику как особый уровень языка, следующий за семантикой. В этом сторонники данной школы видят отличие прагматики от, например, антропологической лингвистики или социолингвистики,

¹ В переводе на русский язык см.: [Грайс, 1985].

² О свойствах импликаций см., например, [Huang, 2007. Р. 32–35].

не рассматриваемых как отдельные уровни и затрагивающих единицы всех уровней. Такая версия прагматики, впервые в полном виде представленная в [Levinson, 1983] и подробно описанная в [Horn, 2006; Huang, 2007], характеризуется стремлением к точности формулировок, логичности рассуждений и, в целом, более систематизирована по сравнению со второй школой прагматики.

В рамках компонентной школы в состав прагматики включают четыре базовых раздела: имплицатуры, пресуппозиции, речевые акты, референция и дейксис. Эти четыре раздела имеются практически во всех учебниках по прагматике, представляющих данное направление (см., например, [Levinson, 1983; Yule, 1996; Horn, 2006; Huang, 2007]), частой темой является обсуждение взаимодействия прагматики с синтаксисом и семантикой. Рассматривается также ряд других областей, в частности коммуникативная и информационная структуры сообщения; структура предпочтений [Yule, 1996], анализ дискурса, прагматика разговора («конверсационный анализ», *conversation analysis*) (см., например, [Levinson, 1983]), прагматика межкультурной коммуникации, принципы проявления вежливости; прагматика и когнитивная.

Аспектуальная школа (называемая также континентальной) рассматривает язык в целом (и каждый его уровень) с точки зрения использования, привлекая сведения из социолингвистики, антропологической лингвистики, нейролингвистики, психолингвистики, исследований дискурса. Примером такой версии прагматики может служить книга Дж. Вершуерена [Verschueren, 1998]. К этой школе относятся также французская прагматика [Рыжова, 2007], исследования прагматических аспектов отдельных языковых уровней (см., например, [Санников, 2008; Зельдович, 2012]), а также прагмалингвистика, рассматривающая прагматические средства (преимущественно речевые акты) прежде всего с позиции их использования как средства языкового воздействия.

Присоединение прагматики к ряду, включающему социолингвистику, антропологическую лингвистику, психолингвистику и т. д., поддерживается не всеми сторонниками аспектуального направления. Так, Дж. Вершуерен отмечает, что каждая из перечисленных междисциплинарных «лингвистик» имеет свой собственный объект изучения, прагматика же занимается полным спектром вопросов о языковом поведении (включая когнитивные и социокультурные аспекты), она представляет собой комплексный взгляд на языковые явления с точки зрения их использования [Verschueren, 1998. Р. 7–8].

Представители аспектуального направления прагматики акцентируют внимание на том, что прагматические составляющие могут быть сопряжены с единицами любого языкового уровня. Такая вездесущность прагматики, ее присутствие на всех уровнях языка, может вызывать опасения о размытости и неупорядоченности данной сферы, что и послужило в свое время одним из оснований уже упоминавшегося ранее сравнения прагматики с набором «всякой всячины». Подобно Дж. Юлу, представляющему компонентную школу, Дж. Вершуерен, уже с позиции аспектуальной школы, намеревается окончательно опровергнуть и оставить в прошлом [Ibid. Р. 11] данное представление о прагматике.

Основу концепции Дж. Вершуерена составляет убеждение в том, что использование языка – это непрерывный выбор подходящих языковых средств разного уровня, происходящий как при порождении, так и при понимании речи (что, по его мнению, превращает выражение «функциональная прагматика» в тавтологию). Некоторые процессы выбора осознанны и мотивированы, некоторые – нет. Однако в любом случае выбор регулируют гибкие принципы и стратегии, варьирующие соотношение между эксплицитностью и имплицитностью компонентов значения на разных языковых уровнях [Ibid. Р. 156].

Вопрос (3) имеет иные формы. Например, в [Mahmood, 2016] автор обозначает похожее решение как выбор между микролингвистикой и макролингвистикой. Первая имеет дело с традиционными языковыми уровнями, помещая в этот же ряд еще один уровень – прагматику. Вторая трактует прагматику как междисциплинарную сферу и размещает ее на одной линии с психолингвистикой, социолингвистикой, анализом дискурса, лингвистикой текста, компьютерной лингвистикой и т. д. (Здесь следует вспомнить об указанном ранее возражении Дж. Вершуерена против уподобления прагматики составляющим данного ряда.)

С. Чапман различает теоретическую прагматику и социальную [Chapman, 2011. Р. 5–6], что коррелирует с указанными выше школами прагматики: компонентная является в значи-

тельной степени теоретической, континентальная представляет более социально ориентированное эмпирическое изучение прагматических средств.

Можно также соотнести компонентную и аспектуальную школы с разделением прагматики на универсальную, или общую (universal pragmatics, general pragmatics), и прагматику конкретного языка (language-specific pragmatics). Такое разделение обсуждают С. Левинсон, Дж. Лич и др. Примерами отечественных исследований по прагматике конкретного (русского) языка являются книги Г. М. Зельдовича [2012], З. Д. Санникова [2008], М. А. Шелякина [2010].

Подытожим рассуждения о вопросе (3) следующим предположением. Для того чтобы обсуждать прагматические средства, используемые на разных уровнях языка, представляется необходимым сначала дать четкое представление об этих средствах (что, собственно, и делается в рамках компонентной школы) и лишь после этого анализировать, как на каждом языковом уровне эти средства могут применяться (т. е. выйти на аспектуальную позицию). Например, сначала следует получить общее представление о том, что такое пресуппозиция и какие виды пресуппозиций бывают, и лишь после этого изучать конкретные средства реализации пресуппозиций. Иначе говоря, компонентная и аспектуальная позиции представляются вполне совместимыми. Возможно, неслучайно Дж. Вершуерен, отчетливо позиционирующий себя как приверженца аспектуальной точки зрения, в обобщающей монографии [Verschuieren, 1998] сначала описывает обычный набор разделов прагматики (импликатуры, пресуппозиции, речевые акты, дейксис) и лишь затем переходит к рассмотрению собственно аспектуальной позиции.

В рамках компонентного направления прагматики уместен следующий вопрос.

- (4) *Есть ли граница между прагматикой и семантикой, и если есть, то где она проходит?*

Отрицательный ответ на первую часть вопроса дают сторонники редукционизма: с их точки зрения семантика и прагматика не разделены границей, а образуют единую область. С. Левинсон назвал такую позицию «прагмантикой» (pragmantics) [Huang, 2007. Р. 210]. Редукционизм имеет два варианта. Первый вариант означает полное сведение прагматики к семантике (семантический редукционизм, semantic reductionism), во втором варианте, наоборот, семантика полностью сводится к прагматике (прагматический редукционизм, pragmatic reductionism). Дж. Лич использует для обозначения этих позиций соответственно термины «прагматизм» (pragmaticism) и «семантицизм» (semanticism) [Leech, 1983. Р. 6–7].

Как отмечает Дж. Лич, в чистом виде эти варианты прагматики найти непросто, в качестве примеров он приводит соответственно концепции Дж. Сёрля (рассматривавшего теорию значения как часть теории действий) и представителя генеративной семантики Дж. Росса (полагавшего, что иллокутивная сила высказывания отражена в его глубинной семантической структуре). К прагматическому редукционизму примыкает также позиция Р. Шенка [Шенк и др., 1989], усматривавшего функциональное единство семантики и прагматики, причем в этом единстве прагматике отводилась ведущая роль.

Редукционизму противостоит позиция комплементаризма, которую Я. Хуанг считает наиболее распространенной [Huang, 2007. Р. 210]. Согласно комплементаризму семантика и прагматика взаимно дополняют друг друга, но не совпадают, являясь разными разделами лингвистики. Позиции комплементаризма придерживается, например, Дж. Лич.

В случае комплементаризма необходимы критерии разграничения семантики и прагматики. Такие критерии обсуждает, например, Л. Хорн [Horn, 2006. Р. 442–450]. В обзоре Я. Хуанга [Huang, 2007. Р. 211–216] перечислено 15 возможных критериев, в частности следующие: 1) семантическое значение конвенционально (лексикализировано или грамматикализировано), прагматическое – нет; 2) семантика занимается компонентами значения, инвариантными по отношению к контекстам своего употребления, прагматика изучает значения в контексте употребления; 3) семантика изучает готовые предложения, а прагматика – их реализации в речи; 4) семантика изучает то, что сказано (буквальное значение), прагматика – то, что имплицировано.

Каждый из этих критериев имеет исключения и может рассматриваться лишь как частично применимый. Например, большой объем дискуссий посвящен последнему из названных выше критериев (предложенному Г. П. Грайсом), согласно которому для разделения семантики и прагматики надо отделить сказанное от имплицированного. Понятие «то, что сказано», отнюдь не столь просто, как может показаться первоначально [Bach, 1999; Huang, 2007; Вострикова, 2011]. В [Huang, 2007. Р. 241] приведена наглядная схема соотношения понятий «сказанное» и «имплицированное» (и соответственно возможных разграничений семантики и прагматики) в теориях разных авторов.

Ю. Д. Апресян [1996] предложил следующие критерии отделения прагматической информации от семантической в составе значения языковой единицы: 1) периферийность прагматических средств, 2) их распределенность между разными языковыми уровнями, 3) их сплетенность с семантической информацией. Рассматривая разграничение семантики и прагматики на уровне интегрального описания лексики, Ю. Д. Апресян определяет специальные формальные операции (тесты), предназначенные для отделения семантической части лексического значения от признаков-коннотаций, относящихся к прагматике. Тесты состоят в осуществлении определенных преобразований и имеют ограниченную применимость.

Многие исследователи (см., например, [Horn, 2007; Goddard, 2011]), отмечают, что убедительные на первый взгляд критерии при попытке их практического применения не позволяют провести четкую границу между семантикой и прагматикой.

Все приведенные выше признаки, предлагаемые в качестве критериев разделения семантики и прагматики, имеют градуальный характер, т. е. представляют собой шкалы. Такие критерии хорошо работают в типовых ситуациях, но сталкиваются с большим количеством спорных случаев. Однако это не является особенностью именно прагматики. Между традиционными языковыми уровнями также нет четких границ. Поскольку разделение языковых уровней – не метафизическая реальность, а лишь удобный, проверенный веками способ структурирования языковых данных, а границы, в принципе, можно проводить по-разному. Однако в каждом конкретном исследовании, для которого существенно разделение семантики и прагматики, этот вопрос должен быть решен путем формулировки неких конкретных критериев.

Вместе с тем отнюдь не всегда данное разделение имеет смысл. Например, при компьютерном моделировании языка важно, чтобы определенные аспекты языка были формализованы, но не важно, отнесены ли они при этом к прагматике или к семантике [Шенк и др., 1989].

В отечественных публикациях вопрос о разграничении семантики и прагматики не относится к числу активно обсуждаемых, что, вообще говоря, оправданно: важно скорее не место проведения границы, а включение в сферу исследований всех существенных аспектов коммуникации.

Помимо приведенных выше вопросов (1)–(4), версии прагматики различаются расстановкой акцентов.

- (5) *В какой степени прагматика учитывает когнитивные, социокультурные и межъязыковые стороны коммуникации?*

Процесс коммуникации имеет информационную, логическую, когнитивную, социокультурную составляющие. Каждая из них может претендовать на роль доминирующей (по крайней мере, в определенном типе языкового поведения или с определенной точки зрения), что и отражается в выборе исследователей. Логическая составляющая активно изучается логиками, информационная доминирует при моделировании языка в компьютерной лингвистике и информатике.

Вариативность объема когнитивной составляющей в теориях прагматики удобно проиллюстрировать, сравнив используемые модели коммуникации.

Инициированный Г. П. Грайсом переход от информационно-кодовой («кодовой», «кибернетической») модели коммуникации Шеннона – Уивера к инференционной модели вывел область исследований за пределы анализа пропозиционального содержания текста.

В кодовой модели человек рассматривался как точка передачи / получения языкового кода. Наличие у отправителя или адресата знаний, намерений, эмоций, превышающих пропозициональное содержание сообщения, не учитывается. По сути, неважно, являются участники коммуникации людьми или машинами.

В инференционной модели в область внимания вошли определенные когнитивные процессы, прежде всего интенции (намерения) участников коммуникации и умение распознавать интенции собеседника. С позиции Грайса, условием успешности коммуникации является распознавание адресатом интенций отправителя сообщения. Иначе говоря, важен не только передаваемый код как таковой, но и те намерения, которые явились причиной его передачи. Однако Грайс предлагает слишком общее представление о том, как именно (по каким признакам) адресат может распознавать намерения отправителя сообщения. Конкретизация этого процесса находится в фокусе внимания теории релевантности.

Авторы теории релевантности, Д. Спербер (Шпербер) и Д. Уилсон [Sperber, Wilson, 1986]³, обратили внимание на то, что в ходе коммуникации отправитель сообщения должен позаботиться о возможности распознать его намерения, передав адресату соответствующие сигналы – остенсии (ostension), которые могут быть вербальными (т. е. элементами сообщения) или нет. Причем отправитель должен сначала как-то отобрать те интенции, которые он будет сообщать. Отбор интенций, передаваемых отправителем сообщения (и воспринимаемых его получателем), основывается на оценке сложности формирования остенсий и подчиняется режиму экономии усилий. Этот режим означает, что должно быть равновесие между когнитивными результатами (полезностью понимания сообщения) и усилиями на создание сообщения (или его обработку, если речь идет об адресате). Например, слишком сложное и не очень важное сообщение получатель может слушать «краем уха», оставляя трудно распознаваемые интенции без внимания. В процессе коммуникации каждый из участников действует в определенной, доступной для него, когнитивной среде (cognitive environment), состав и инференциальные возможности которой зависят от особенностей восприятия физического мира, знаний и опыта (в частности, языкового), когнитивных способностей.

Остенсивно-инференционная модель коммуникации, предложенная в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, базируется на возможности вывода (инференции) передаваемой информации из сообщения и связанных с ним остенсий. Когнитивная составляющая, изучаемая в рамках данной теории прагматики, значительно расширена (по сравнению с теориями Г. П. Грайса и ряда его последователей) за счет введения когнитивной среды, предопределяющей когнитивные возможности и ожидания участников коммуникации, и остенсии, т. е. манифестации (вербальной или нет) интенций доступным для адресата образом⁴.

Социокультурные и межкультурные аспекты коммуникации выходят на первый план в прикладных направлениях прагматики. Среди них следует выделить три – те, которые имеют прямое отношение к исследованию реального владения всем спектром прагматических средств языка: это обучение иностранному языку, освоение родного языка ребенком, исторические изменения языка.

При обучении иностранному языку (см., например, [Kasper, Schmidt, 1996; BouFranch, 1998]) особую важность приобретает сопоставительный анализ условий успешности коммуникации (межкультурная прагматика, interlanguage pragmatics). Соответственно ставятся вопросы о том, как обучать прагматике неродного языка; каковы модели освоения прагматики и виды влияния (позитивного и негативного) родного языка на изучаемый язык (прагматический трансфер, pragmatic positive and negative transfer); как оценить прагматическую компетентность и прагматическую беглость (pragmatic fluency), каковы прагматические характеристики промежуточного языка – интерлингвы, или интерязыка (interlingua), – образующегося в ходе изучения иностранного языка на разных этапах его формирования.

Социокультурные аспекты имеют также большое значение при изучении процесса освоения ребенком прагматики родного языка (acquisitional pragmatics) [Cekaite, 2013] (см. также

³ Перевод главы 3 см.: [Шпербер, Уилсон, 1988].

⁴ Обширную библиографию по данной теории можно найти, обратившись к библиографическому сервису по теории релевантности: <https://personal.ua.es/francisco.yus/rt.html>. Широкий спектр когнитивных аспектов прагматики представлен в монографии [Cognition in Pragmatics, 2009].

обзор Е. V. Clark в [Horn, 2006. Р. 562–577]). В обоих случаях – при изучении процессов освоения родного и иностранного языков – важны все составляющие прагматики, хотя нередко исследования фокусируются преимущественно на речевых актах.

Изучением изменений прагматики языка, происходящих с течением времени, занимается историческая прагматика (см. обзор Е. С. Трауготт в [Horn, 2006. Р. 538–561]). Одно из ее направлений («макропрагматика»), как и обучение иностранному языку, фокусируется на изменениях, обусловленных внешними обстоятельствами (социальными условиями, целями, интересами, моделями поведения, ритуалами и т. д. соответствующего времени). Здесь исследуются тексты (устные или письменные), рассматриваемые с позиции различных норм (юридических, религиозных, педагогических и т. д.) В рамках второго направления («диахроническая прагматика», или «микропрагматика») тексты служат источниками информации об изменениях в употреблении языка, обусловленных внутриязыковыми процессами (изменения дискурсивных маркеров, гонорификов, использования перформативов, переход коммуникативной имплицатуры в конвенциональную и т. д.).

В отечественном варианте прагматики преобладают работы прикладного характера, фокусирующиеся на изучении конкретных типов прагматических средств (чаще всего – речевых актов) в определенных видах коммуникации, например в рекламе, политическом или образовательном дискурсах.

Рассмотренные в статье ключевые вопросы не исчерпывают всего множества направлений прагматики. Разнообразие подходов определяется также ракурсом рассмотрения прагматических явлений: можно изучать социологические, психологические, вычислительные и другие аспекты. Такие ракурсы весьма многочисленны, в этом можно убедиться по представленной в [Петрякова, 2014] сети, построенной на основе толкований терминов в англоязычных энциклопедиях и словарях по прагматике. Хотя данная сеть не дает представления о содержательной стороне, так как не включает определений терминов и анализа расхождений между теориями, сама по себе визуализация сети терминов в виде ряда схем убедительно демонстрирует, что прагматика за полвека своего формирования превратилась в разветвленную область знания, имеющую много перспективных направлений развития.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 333–342.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

Вострикова Е. В. Семантика vs прагматика // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30, № 4. С. 99–115.

Грайс Г. П. Логика речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 648 с.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке. М.: КомКнига, 2012. 352 с.

Мауро Т. де. Введение в семантику / Пер. с ит. Б. П. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других языков): Курс лекций. Минск, 2009. 183 с.

Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. 504 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 296 с.

Петрякова М. С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина Pragmatics 'лингвистическая прагматика' // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 142–151.

Рыжова Л. П. Французская прагматика. М.: КомКнига, 2007. 240 с.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.

Худяков А. А. Прагматика: переосмысление термина в свете новых лингвистических идей // *Studia Linguistica*. СПб.: Тригон, 2001. Вып. 10: Проблемы теории европейских языков. С. 51–61.

Шелякин М. А. Очерки по прагматике русского языка. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010. 285 с.

Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 32–47.

Шнербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 33: Когнитивные аспекты языка. С. 212–233.

Bach K. The semantics-pragmatics distinction: What it is and why it matters // *The Semantics-Pragmatics Interface from Different Points of View* / Ed. by Ken Turner. New York: Elsevier, 1999. P. 65–84.

Bar-Hillel I. Out of the pragmatic wastebasket // *Linguistic Inquiry*. 1971. Vol. 2. No. 3. P. 401–407.

Birner B. J. Introduction to Pragmatics. Wiley-Blackwell, 2012. 340 p.

Bou-Franch P. B. On Pragmatic Transfer // *Studies in English Language and Linguistics*. Universitat de Valencia, 1998. P. 5–20.

Cekaite A. Child Pragmatic Development // *Wiley Online Library. The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2013. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405198431> (дата обращения 24.07.2018).

Chapman S. Pragmatics. Palgrave-Macmillan, 2011. 304 p. (Modern Linguistics Series)

Cognition in Pragmatics / Eds. Dominiek Sandra, Jan-Ola Östman, Jef Verschueren. Series: Handbook of Pragmatics highlights. John Benjamins Pub. Company, 2009. xvi, 399 p.

Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2011. 448 p. (Oxford Textbooks in Linguistics)

Grice H. P. Logic and Conversation // *Syntax and Semantics* / Eds. Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech Acts. P. 41–58.

Horn L. R. The Handbook of Pragmatics. Willey-Blackwell, 2006. 864 p.

Huang Y. Pragmatics. Toronto and New York: Oxford University press, 2007. 366 p.

Jucker A. Pragmatics in the history of linguistic thought // *The Cambridge Handbook of Pragmatics* / Allan, Keith; Jaszczolt Kasia M. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 495–512.

Kasper G., Schmidt R. Developmental Issues in Interlanguage Pragmatics // *Studies in Second Language Acquisition*. 1996. Vol. 18. P. 149–169.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. Routledge, 1983. 264 p. (Longman Linguistics Library)

Lycan W. G. Philosophy of Language: A Contemporary Introduction. 1st ed. Routledge, 2000. 260 p. (Routledge Contemporary Introductions to Philosophy)

Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics)

Mahmood R. K. Pragmatics between Microlinguistic and Macrolinguistic Levels of Analysis // *Global Journal of Foreign Language Teaching*. 2016. Vol. 06. No. 3. P. 126–129.

Mey J. L. Pragmatics: An Introduction. Willey-Blackwell, 2001. 418 p.

Morris C. Foundations of the Theory of Signs // *International Encyclopedia of Unified Science*. The University of Chicago Press, 1953. Vol. 1. No. 2. 59 p.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Blackwell, Oxford and Harvard University Press, 1986. P. viii + 279.

Valeika L., Verikaitė D. An Introductory Course in Linguistic Pragmatics. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010. 164 p.

Verschueren J. Understanding Pragmatics. Routledge, 1998. 312 p.

Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996. 138 p. (Oxford Introduction to Language Studying Series)

Материал поступил в редколлегию 25.06.2018

Mariya K. Timofeeva

*Sobolev Institute of Mathematics SB RAS
4 Academician Koptug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

timof@math.nsc.ru

ON THE BORDERLINES AND THE SCOPE OF PRAGMATICS

The paper elicits the questions concerning the borderlines of pragmatics, and analyzes some ways of resolving these questions.

Contemporary pragmatics seems to be a distinct area of investigation, bringing together different, often conflicting theories and putting them under the same name; this makes it difficult to develop pragmatics on the whole, as an integral part of linguistics.

Presumably, the cause of it lies in an unreasonably high degree of abstractness that is characteristic of the investigative area outlined by the founders of semiotics, primarily by Charles Pierce and Charles Morris. The paper suggests that pragmatics is one unified field, and the branches within it – as having stemmed from different strategies applied to specify the under-defined field. Each step of the way was began with conceiving some theoretical opacity, followed by posing the corresponding question, searching for an answer, and reaching the most appropriate solution.

Since pragmatic phenomena are rather complicated, the process of further specification seems to be step-like. It presumably starts with primary questions about the borderlines, and then passes over to more specific notions and theories. This means that considering the borderlines of pragmatics is inseparable from considering its scope; one cannot speak about the former without taking into account the latter because every scientific borderline is inevitably drawn along some conceptual traces of previous research. Therefore, the question about the scope is also important, but only as far as it is substantial for discussing the borderlines. No doubt, the scope of pragmatics needs a more detailed analysis; so, it is necessary to study the links between different research areas in pragmatics.

Keywords: pragmatics, borderlines of pragmatics, pragmatics research areas, schools of pragmatics, teaching pragmatics.

References

Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1996, vol. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya, 767 p. (in Russ.)

Bach K. The semantics-pragmatics distinction: What it is and why it matters. *The Semantics-Pragmatics Interface from Different Points of View*. Ed. by Ken Turner. New York: Elsevier, 1999, p. 65–84.

- Bar-Hillel I. Out of the pragmatic wastebasket. *Linguistic Inquiry*, 1971, vol. 2, no. 3, p. 401–407.
- Birner B. J. Introduction to Pragmatics. Wiley-Blackwell, 2012, 340 p.
- Bou-Franch P. B. On Pragmatic Transfer. *Studies in English Language and Linguistics*. Universitat de Valencia, 1998, p. 5–20.
- Bulygina T. V. O granicakh i sodержanii pragmatiki. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1981, vol. 40, no. 4, p. 333–342.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki). Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1997, 576 p. (in Russ.)
- Cekaite A. Child Pragmatic Development. *Willey Online Library. The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2013. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405198431>.
- Chapman S. Pragmatics. Palgrave-Macmillan, 2011, 304 p. (Modern Linguistics Series)
- Cognition in Pragmatics. Eds. Dominiek Sandra, Jan-Ola Östman, Jef Verschueren. Series: Handbook of Pragmatics highlights. John Benjamins Pub. Company, 2009, xvi, 399 p.
- Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2011, 448 p. (Oxford Textbooks in Linguistics)
- Grice H. P. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*. Eds. Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York, Academic Press, 1975, vol. 3: Speech Acts, p. 41–58.
- Horn L. R. The Handbook of Pragmatics. Willey-Blackwell, 2006, 864 p.
- Huang Y. Pragmatics. Toronto and New York, Oxford University press, 2007, 366 p.
- Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004, 208 p. (in Russ.)
- Jucker A. Pragmatics in the history of linguistic thought. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Allan, Keith; Jaszczolt Kasia M. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, p. 495–512.
- Kasper G., Schmidt R. Developmental Issues in Interlanguage Pragmatics. *Studies in Second Language Acquisition*, 1996, vol. 18, p. 149–169.
- Khudyakov A. A. Pragmatika: pereosmyslenie termina v svete novykh lingvisticheskikh idej. *Studia Linguistica*. St. Petersburg, 2001, iss. 10: Problemy teorii evropejskikh yazykov, p. 51–61. (in Russ.)
- Kibrik A. E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya: universal'noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke. Moscow, KomKniga, 2012, 352 p. (in Russ.)
- Leech G. N. Principles of Pragmatics. Routledge, 1983, 264 p. (Longman Linguistics Library)
- Levinson S. Pragmatics. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 438 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics)
- Lycan W. G. Philosophy of Language: A Contemporary Introduction. 1st ed. Routledge, 2000, 260 p. (Routledge Contemporary Introductions to Philosophy)
- Mahmood R. K. Pragmatics between Microlinguistic and Macrolinguistic Levels of Analysis. *Global Journal of Foreign Language Teaching*, 2016, vol. 06, no. 3, p. 126–129.
- Mauro T. de. Vvedenie v semantiku / Transl. from Ital. by B. P. Narumov. Moscow, Dom intellektual'noj knigi, 2000, 240 p. (in Russ.)
- Mey J. L. Pragmatics: An Introduction. Willey-Blackwell, 2001, 418 p.
- Morris C. Foundations of the Theory of Signs. *International Encyclopedia of Unified Science*. The University of Chicago Press, 1953, vol. 1, no. 2, 59 p.
- Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov. *Semiotika: Antologiya*. Comp. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Akademicheskij proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2001, p. 45–97. (in Russ.)
- Norman B. Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh yazykov). Minsk, 2009, 183 p. (in Russ.)
- Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika. Introduction by N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva. Moscow, Progress, 1985, iss. 16, 504 p. (Vstupitel'naja stat'ja) (in Russ.)
- Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesyonnost' s dejstvitel'nost'yu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenij. Moscow, LKI, 2014, 296 p. (in Russ.)
- Petryakova M. S. Tezaurusno-setevoe modelirovanie semanticheskogo polya termina Pragmatics 'lingvisticheskaja pragmatika'. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2014, no. 4 (84), p. 142–151. (in Russ.)

- Ryzhova L. P. Frantsuzskaya pragmatika. Moscow, KomKniga, 2007, 240 p. (in Russ.)
- Sannikov V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, 624 p. (in Russ.)
- Schenk R., Birnbaum L., Mey J. K integratsii semantiki i pragmatiki. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Komp'yuternaya lingvistika*. Vyp. XXIV. Moscow, Progress, 1989, iss. 24, p. 32–47. (in Russ.)
- Shelyakin M. A. Ocherki po pragmatike russkogo yazyka. Moscow, Rus. yaz. – Media; Drofa, 2010, 285 p. (in Russ.)
- Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Blackwell, Oxford and Harvard University Press, 1986, p. viii + 279.
- Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika. Vinnitsa, Nova Knyga, 2009, 272 p. (in Russ.)
- Valeika L., Verikaitė D. An Introductory Course in Linguistic Pragmatics. Vilnius, Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010, 164 p.
- Verschueren J. Understanding Pragmatics. Routledge, 1998, 312 p.
- Vostrikova E. V. Semantika vs pragmatika. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2011, vol. 30, no. 4, p. 99–115. (in Russ.)
- Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996, 138 p. (Oxford Introduction to Language Studying Series)
- Zel'dovich G. M. Pragmatika grammatiki. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012, 648 p. (in Russ.)

For citation:

Timofeeva Mariya K. On the Borderlines and the Scope of Pragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 5–18. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18